

История жанра русской элегии через призму стихотворного переноса

Е.К. Ромодановская, автор монографии «Русская литература на пороге нового времени», подводя итоги проведенного исследования, отметила, что в средневековой культуре отсутствовала «осознанность формы как самостоятельной ценности»¹. Такой вывод мог сделать только ученый, глубоко осознающий эту «самостоятельную ценность» формы, пристально ее изучающий, дающий в своем исследовании образцы анализа формы как отдельных произведений, так и творчества писателя и эпохи в целом. Этот методологический принцип Е.К. Ромодановской позволил уверенно предложить тему, сформулированную в заглавии нашей статьи. В ней предмет исследования — стихотворная форма одного жанра. Выбор элегии мотивируется известной популярностью и, главное, продолжительностью жизни этого лирического жанра, позволяющей развернуть исследование не только в синхроническом, но и в диахроническом плане. Выбор аспекта исследования мотивируется следующими соображениями. Теоретики жанра и жанрового анализа практически единодушно признают интонационно-речевую и, следовательно, стиховую организацию произведения одним из его жанрообразующих компонентов². Современное стиховедение располагает ценными наблюдениями над метрикой, ритмикой, строфикой, рифмой русской элегии, принадлежащими М.Л. Гаспарову³. Автор настоящей работы тоже исследовал стих элегии на материале одной его метрической формы — вольного ямба⁴. Стихотворный перенос (en-jambement — в дальнейшем **enj**) элегии не был предметом специального исследования, а между тем, как отметил В.М. Жирмунский еще в 1924 г., **enj** является «наиболее показательным примером того значения, которое могут иметь синтаксические факторы для ритмической характеристики стиха»⁵. К проциательному суждению В.М. Жирмунского добавим, что **enj** как ритмико-синтаксическое явление представляет собой многоуровневую

структуру, связанную с разными компонентами стихотворной формы — метром, размером, клаузулой, рифмой, строфой, — и поэтому, несомненно, определяет «ритмическую характеристику стиха» и выступает в нашем случае одной из жанровых характеристик текста.

Сформулированная названием статьи задача представить историю русской элегии через призму стихотворного переноса не означает амбициозного намерения автора отменить или переписать историю лирического жанра, в общих чертах уже обрисованную исследованиями выдающихся отечественных ученых⁶. Наша цель более скромная: через переносы (их частотность и структуру) дать дополнительный срез этой истории, решая (по возможности) ряд более частных вопросов: какова частотность переносов в элегии в сравнении с общим фоном русской поэзии? насколько элегия нуждается в **enj** для создания характерной для нее лирической суггестии? меняется ли частотность и структура **enj** в хронологической перспективе? можно ли установить определенную типологию элегий в аспекте функционирования в них **enj**?

Перечисленные и другие задачи решались на материале антологии «Русская элегия»⁷, в которую ее составителем, Л.Г. Фризмано, включена 441 элегия 94 поэтов различного масштаба дарования за два века — с 1735 (В. Тредиаковский) по 1916 г. (Игорь Северянин). Анализируя под избранным углом зрения весь материал этого репрезентативного собрания, мы в ряде случаев перегруппировали расположение стихотворений, учитывая их строго по десятилетиям. Всего рассмотрено 14 порций текстов: XVIII в. с дифференциацией на два периода — классицизм (от В. Тредиаковского до М. Попова) и сентиментализм (Н. Карамзин, И. Дмитриев, Г. Каменев); XIX в., 10 периодов — с 1800-х по 1890-е гг. включительно; начало XX в. — 1900-е и 1910-е гг. Помимо этого основного материала рассмотрены включенные в анто-

логию 29 пародийных элегий 24 авторов и 8 оригинальных и переводных элегий И. Бродского второй половины XX в.

Прежде чем приступить к изложению полученных результатов статистического анализа, оговорим методику выявления переносов и параметры описания их структуры.

Наша методика выявления **enj**, которой мы пользуемся много лет, основывается на учете синтаксических связей на строке (связи горизонтальные) и между строками (связи вертикальные). Мы полагаем, что **enj** возникает тогда, когда синтаксические вертикальные связи «оказываются сильнее горизонтальных, и он не возникает, если вертикальные связи по силе меньше или равны горизонтальным»⁸. Из этой формулировки следует, что мы не абсолютизируем роль пунктуационно оформленной внутрискладовой паузы, на которую еще в 1920-е гг. справедливо указал В.М. Жирмунский⁹. Мы считаем, что переносы могут образовываться и при наличии внутрискладовой паузы («О чем жалеть? Куда бы ныне / Я путь беспечный устремил?»¹⁰), и при ее отсутствии («В последний раз передо мной / Ты катишь волны голубые»); более того, они во многих случаях не образуются и при наличии внутрискладовой паузы, если после нее на строке возникают сильные горизонтальные связи («Твой грустный шум, твой шум призывный / Услышал я в последний раз»); все три примера из элегии А.С. Пушкина «К морю» (1824)¹¹. Сила синтаксических связей определялась по иерархии силы синтаксических связей, разработанной М.Л. Гаспаровым и Т.В. Скулачевой¹².

Выявленные по данной методике переносы анализировались по нескольким параметрам: 1) частотность; 2) соотношение типов rejet — **r** («<...> Так я в болезни ждал безвременно конца / И думал: парк час настанет»), contre-rejet — **c-r** («Но вид не страшен был: чело / Глубоких ран не сохраняло <...>»), double-rejet — **d-r** («<...> Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи / Я вижу, голос твой я слышу <...>»); примеры из элегий К.Н. Батюшкова «Выздоровление» (1807), «Тень друга» (1814) и «Таврида» (1815) соответственно; 3) соотношение мужских и женских клаузул¹³ верхней строки во всех типах переносов (в приведенных выше первых двух примерах клаузула мужская, в третьем — женская); 4) соотношение дактилических, мужских, женских словоразделов в нижней строке (очевидно, что только в типах

r, d-r) («Давно твоей иглой узоры и цветы / Не оживлялись. Безмолвно любишь ты / Грустить. <...>») («Из А. Шенье»); «Не для того, что иногда / Сомненьем мучусь...<...>» (А.С. Пушкин «Заклинание»)); 5) соотношение контактных и дистантных связей между словами, разорванными концом строки (в приведенном выше первом **enj** связи контактные, во втором и третьем **enj** — дистантные); 6) набор и частотность синтаксических связей по иерархии связей Гаспарова — Скулачевой.

Объем статьи не позволяет представить развернуто полученные статистические данные по всем перечисленным параметрам. На первом этапе исследования мы будем уделять преимущественное внимание самому факту появления переносов в элегиях и их частотности. Из данных по остальным параметрам будут привлекаться наиболее характерные, дающие представление об **enj** жанра или об особенностях индивидуального стиля в рамках жанрового.

Итак, в 441 элегии (15 569 строк) мы выявили 416 переносов, т.е. средняя частотность **enj** русской элегии по двум векам 2,7 %. Этот показатель скромный, свидетельствующий о сдержанном отношении элегиков к **enj**, но достаточно типичный для классического стиха (по нашим подсчетам, в стихотворениях В. Жуковского он равен 4,2, А. Пушкина — 1,9, Е. Баратынского — 2,1, М. Лермонтова — 4,2 %)¹⁴. О сдержанном отношении русской элегии к **enj** говорит еще один любопытный факт: **enj** встречается в 34,2 % элегий, т.е. почти 2/3 элегий не имеют переносов вообще. Кто из элегиков обходился без **enj**, а у кого они функционируют (и даже активно!) — покажет диахронический анализ наших данных.

В элегиях XVIII в. эпохи классицизма, на которую приходится начало формирования жанра, переносы составили 0,2 %, т.е. практически отсутствовали. Их отсутствие было во многом результатом ориентации классицистических жанров на французский стиховой канон, отрицающий эстетическую значимость **enj**. Начало беспереносному элегическому стилю положил В. Тредиаковский. Как известно, Тредиаковский ставил себе в заслугу, что «выгнал» из поэзии «мерзкий перенос». В свое время мы показали конфликт между Тредиаковским-ученым и Тредиаковским-поэтом: Тредиаковский в поэзии применял перенос достаточно активно¹⁵, но в

двух известных элегиях — «Невозможно сердцу, ах! не иметь печали...» и «Кто толь бедному подаст помощи мне руку?...» (обе 1735 г.) — поэт остался верным своей доктрине: переносов в них нет. 90 % элегий эпохи классицизма написаны русским аналогом александрийского стиха — 6-стопным ямбом парной рифмовки (с чередованием пар по правилу альтернанса). Мерность цезурованных 6-стопников не способствовала образованию **enj**. Однако дело здесь не только в размере. «Рецидивы» 6-стопного ямба парной рифмовки можно видеть в элегиях XIX в., однако во многих из них появляются переносы (см. А. Пушкин «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (1836), А. Майков «Исповедь» (1841) и др.). Решающую роль в интересующем нас вопросе играл синтаксис. В элегиях XVIII в. строка и фраза совпадали, а если на строке появлялась пунктуационно оформленная внутрискладовая пауза, то после успевали образовываться сильные горизонтальные связи, препятствующие образованию **enj** («Глаза хочу сомкнуть во тихие часы, / Сомкну, забудуся. Но, ах! ея красы / И очи сомкнуты сквозь веки проникают» А.П. Сумароков «Любовная элегия II») ¹⁶.

Обрисованную картину ритмико-синтаксического однообразия классицистической элегии XVIII в. нарушают элегии А. Ржевского, поэта «сумароковской школы», отличавшегося «виртуозным использованием языковых и стиховых форм» ¹⁷. Включенные в антологию десять элегий Ржевского относятся к 1759–1763 гг., периоду самого интенсивного творчества поэта ¹⁸. Обновление стиха элегии шло путем расширения метрического репертуара и разнообразия синтаксического рисунка переносами. Перенос типа **c-r** («Настанет день — встаю, стремлюсь, спешу, ищу / Узреть прелестный взор, и, не нашед, грущу <...>») с разрывом сверхсильной синтаксической связи между частями составного глагольного сказуемого появился в «Элегии» («Не знаю, отчего весь дух мой унывает...», 1763) в 6-стопных ямбах парной рифмовки, а в «Элегии I» («Престрогаю судьбою...»), написанной 3-стопным ямбом с перекрестным рифмованием, функционируют переносы всех трех типов: **c-r** («Представлю, что судьбою / Плачевна жизнь моя <...>»), **r** («Опять возненавижу / Я жизнь, тобой горя»), **d-r** («Я знаю, что не буду / Утешен я, любя <...>»). Это — настоящий прорыв в стиховой поэтике элегии, тем более значимый и осознанный,

что переносы в тексте функционируют на фоне нанизывания анафор, вместе с которыми они усиливают выражение переживания разлуки («Опять тебя ищу. / Опять тебя увижу, / Опять грущу, узря, / Опять возненавижу / Я жизнь, тобой горя») ¹⁹.

С этими отмеченными новациями Ржевский стоит особняком среди классицистических элегиков. Последующие нововведения приходятся на 90-е гг. XVIII и начало XIX в., когда сентименталисты, во-первых, сократили среднюю величину элегии (с 46,1 строки у классицистов до 40,3); во-вторых, разрежали астрофический стих на абзацы (И. Дмитриев «Элегия. Подражание Тибуллу», 1795); в-третьих, внесли в стих элегии строфы (Н. Карамзин «Осень», 1789; Г. Каменев «Вечер любезный! Вечер багряный...», 1799); в-четвертых, стали активнее применять **enj**. «Активнее» — это частотность **enj** 2,1 % (в сравнении с 0,2 % у классицистов). Эти 2,1 % получились в значительной степени за счет переносов «Меланхолии» Карамзина (1800): «О Меланхолия! Ты им милее всех / Искусственных забав и ветреных утех»; «Безмолвие любя, ты слушаешь унылый / Шум листьев, горных вод, шум ветров и морей»; «Но осень бледная, когда, изнемогая / И томною рукой венки свой обрывая, / Она кончины ждет». Все приведенные переносы «Меланхолии» типа **c-r** являются выразительной (не изобразительной!) функцией, так как усиливают выразительность слов с типично элегической семантикой ²⁰.

«Сентиментальные переносы» «Меланхолии» в хронологическом пространстве 1800-х гг. — явление нетипичное. Это годы, на которые приходится создание знаменитых элегий А.И. Тургенева («Элегия», 1802) и В. Жуковского («Сельское кладбище», 1802), не дают увеличения частотности **enj**. Тургенев и Жуковский, с элегиями которых исследователи связывают плодотворные для русской поэзии опыты развертывания элегических переживаний и создания элегической суггестии ²¹, избегали переносов, добиваясь необходимого художественного эффекта средствами мелодизации стиха ²². Отсутствию переносов способствовали также отмеченные исследователями многочисленные случаи синтезирования приемов мелодизации элегии и риторических приемов оды ²³.

В 1810-е гг. частотность **enj** элегий не только не увеличилась, но даже снизилась до 1,4 %. В это десятилетие появляются практи-

чески без **enj** элегии А. Пушкина (из 18 ранних элегий поэта переносы — по одному — встречаются только в четырех). Не имеют **enj** элегии Е. Баратынского, П. Вяземского, Н. Гнедича, В. Раевского, П. Плетнева, М. Милонова. Полагаем, что здесь просматривается традиция беспереносного элегического стиля Жуковского, созданного его элегиями 1800-х гг. («Сельское кладбище», «Вечер», «На смерть фельдмаршала графа Каменского»), хотя у самого главного элегика в 1810-е гг. появляются приметы другого переносного стиля: в «панорамно-описательной»²⁴ «Славянке» (1815) шесть переносов (на 144 строки) всех трех типов, имеющих не только выразительную функцию («Но где он?.. Скрылось все... лишь только в тишине / Как бы знакомое мне слышится признание»), но и, преимущественно, изобразительную (ср. перенос типа **r**, маркирующий энергию действия: «И ангел от земли в сиянье предо мной / Взлетает; на лице величие смиренья»).

Среди элегий 1810-х гг. (как и в предыдущее десятилетие) особое место занимают элегии К. Батюшкова. Общая частотность **enj** в них (2,7 %) выше средней нормы почти вдвое (в «Тавриде» (1815) она вообще достигает 10,5 %); **enj** функционируют в 77 % элегий поэта; среди **enj**, как и у других элегиков периода, преобладает (68 %) тип **c-r** с ярко выраженной маркировкой мужскими клаузулами (84 %, в то время как у других элегиков этот показатель в пределах 60 %), но тип **r**, у всех поэтов занимающий не более 5–10 %, у Батюшкова выдвигается на роль второго лидера (18 %); преобладающая функция **enj** — изобразительная (см. приведенные в начале статьи примеры)²⁵.

Особняком в 1810-е гг. стоит В. Кюхельбекер с частотностью **enj** 13,9 % (!). Особенно впечатляют **d-r** в «Элегии» (1817), написанной элегическим дистихом («Холод извне погашает огонь его сердца: зачем же / Я на заре не увял, весь еще я не лишен / Лучшей части себя — благодатных святых упований?»).

В 1820-е гг., когда элегия, по единодушному мнению исследователей, занимает центральное место в жанровой системе русской поэзии, интересующий нас аспект характеризуется следующими особенностями. Существенно сократилась (до 31,5 строки) величина элегии, т.е. по сравнению с предыдущим периодом элегия стала почти вдвое короче. Частотность переносов увеличилась вдвое —

с 1,4 до 2,8 %. (в частности, разницу с 1810-ми гг. красноречиво показывает эволюция частотности пушкинских **enj**: от 0,8 до 9,3 %). В 1825 г. в «Элегии» В. Туманского («Не ведает мудрец надменный...») появился первый (из двух выявленных в рассматриваемом жанре) строфический перенос, относительно редкий в классической поэзии (второй строфический **enj** появится позже, у Е. Баратынского в элегии «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...» (1840)). Большие изменения наблюдаются в структуре переносов: сокращается (до 50 %) архаический тип **c-r** и, соответственно, увеличиваются два других типа — **r** и **d-r**; уменьшается процент маркировки переносов мужскими клаузулами (например, у Пушкина он уменьшается с 66,7 до 48,6 %); расширяется палитра синтаксических связей и др.

Наблюдаемое разнообразие структуры **enj** 1820-х гг. находится в общем русле поисков новых форм, характерных, как известно, для эпохи романтизма. Одновременно это разнообразие является результатом освоения русскими элегиками самих механизмов создания переносов и открытия их возможностей для усиления как изобразительных, так и выразительных потенциалов жанра²⁶. Благодаря частотности и активному функционированию переносы воспринимаются поэтами как характерная примета элегического стиля, о чем свидетельствуют многочисленные пародии этого времени на жанр элегии²⁷. В то же время в 1820-е гг. не сократился, а увеличился разрыв в числе элегиков, интенсивно использующих **enj** (А. Пушкин, В. Кюхельбекер, А. Одоевский, И. Козлов), и тех, у кого **enj** отсутствуют (А. Дельвиг, В. Раевский, П. Вяземский, П. Плетнев, К. Рылеев). Эта поляризация двух стилей во многом обусловлена отмечаемой исследователями²⁸ активизацией взаимодействия элегии с различными жанрами русской поэзии. Обозначенная тенденция сохранится и в 1830-е гг. В это время частотность **enj** отмечена на уровне 5,5 %. Такое резкое увеличение показателя произошло за счет «Сельского кладбища» В. Жуковского (1839), где **enj** составляют 47,5 %. Показатель частотности остальных элегий (2,7 %) практически не отличается от аналогичной цифры 1820-х гг. В 1830-е гг. часть авторов по-прежнему обходится без переносов (у П. Вяземского в элегиях этого времени, как и в предыдущих десятилетиях, **enj** нет; отсутствуют **enj** в элегиях Ф. Тютчева, И. Тургенева,

А. Хомякова, а также у таких второстепенных поэтов, как В. Красовский, Д. Ознобишин, Н. Кукольник), но в это десятилетие увеличивается общее количество элегий с переносами и количество элегий с повышенной их частотностью: **enj** в пределах 7 % в поздних элегиях А. Пушкина и Н. Языкова, 4–5 % в элегиях Е. Баратынского, М. Лермонтова, Е. Ростопчиной.

«Сельское кладбище» Жуковского, появившееся в самом конце 1830-х гг., занимает среди элегий своего десятилетия совершенно особое место, которое определяется относительно редкой в русской поэзии метрической формой — гекзаметром и отмеченной выше гипертрофированной частотностью переносов. Эти переносы имеют ярко выраженные приметы структуры: господство типа **d-r** (82,5 %), преобладание контактных связей (77,2 %), наличие дактилических словоразделов в нижней строке в типах **r**, **d-r**, отсутствующих в ранних элегиях поэта (8,2 %), широкий набор синтаксических связей и первенство среди них (36,8 %) определительных связей («Пусть величие с хладной насмешкой читает *простую* / *Летопись бедного* <...> »).

В.Н. Топоров, развернувший сравнение двух переводов «Сельского кладбища» с английским оригиналом, отметил «исключительную точность»²⁹ перевода 1839 г. Одновременно ученый выдвинул два тезиса, имеющие отношение к нашей теме: 1) повторное обращение Жуковского к элегии Грея объясняется не потребностями общества в более точном переводе, а внутренним развитием самого переводчика; 2) перевод 1839 г., в отличие от перевода 1802 г., «не стал событием в истории русской литературы»³⁰. Первый тезис мы полностью принимаем: внутреннее развитие Жуковского — это отмеченное исследователями усиление повествовательного начала в его поэзии, утверждение пути к эпосу³¹, что и отражает элегия 1839 г. Второй тезис нуждается в корректировке, необходимость которой будет ясна в результате анализа элегий следующего десятилетия.

В 1840-е гг. в очередной раз резко сокращается величина элегий (средний объем — 22,9 строки). Частотность **enj** — 7,5 %, самая высокая в охваченных нами хронологических рамках. В это десятилетие **enj** отмечается почти у всех поэтов (исключение — только Ю. Жадовская), и они функционируют в 2/3 элегий. Не только сохраняют, но и усиливают

тенденцию к увеличению **enj** элегии позднего Баратынского (6,2 %) и позднего Лермонтова (7,4 %). Высокий показатель частотности **enj** у Э. Губера (7,0 %), А. Майкова (9,0 %), С. Дурова (8,0 %). При общем увеличении частотности **enj**, связанном с активно идущими процессами жанрово-родовой диффузии и прозаизации стиха, можно выделить группу элегиков и назвать конкретные тексты с особенно высоким (в пределах 18–50 %!) показателем **enj**. В антологии «Русская элегия» таких произведений восемь: А. Майков «Мраморный фавн» (1841), С. Дуров «Из Проперция» (1847), три «Элегии» Н. Языкова — «В тени громад снеговых вершинных...» (1843), «Опять угрюмая, осенняя погода...» (1843), «Есть много всяких мук — и много я их знаю...» (1844) и три элегии А. Григорьева — «В час, когда утомлен бездействием душно-тяжелым...», «Будет миг... мы встретимся, это я знаю, — недаром...», «Часто мне говоришь ты, склонясь темно-русой головкой...» (все 1846 г.). Перечисленные элегии образуют особый тип, в котором, на наш взгляд, отчетливо просматривается традиция «Сельского кладбища» (1839). Об этом свидетельствует «длинный» стих (6-стопный ямб элегий Майкова и Языкова, гекзаметр элегий Григорьева и Дурова), отмеченная высокая частотность **enj** со многими структурными признаками (господство типа **d-r** и контактных связей, большой процент дактилических словоразделов, широкий диапазон синтаксических связей, включая определительные), а также функции **enj**: они, как правило, образительные, маркирующие реалии мира, пришедшие в элегию на смену поэтизмов: «Я под кров свой вхожу — и с какой-то тоской *озираю* / *Стены*, ложе да стол <...> », «...то знай, *никогда б головую* / *Гордой* я не склонился к тебе <...> » (А. Григорьев). Переносы этого типа элегий могут быть свидетельством торжества повествовательного начала в жанре. В дальнейшем линия «эпической», говорной, элегии развития не получила. В следующие десятилетия XIX в. показатель частотности **enj** неуклонно снижается: 3,1 % — в 1850–60-е гг., 2,3 — в 1870-е, 1,3 — в 1880-е, 0,8 — в 1890-е гг. Элегии А. Фета, С. Надсона, К. Фофанова, М. Лохвицкой, К. Бальмонта, в XX в. — И. Бунина, А. Блока переносов не имеют³². В 1850-е гг. предсказуемое (в связи с процессами прозаизации стиха) повышение показателя **enj** (до 5,5 %) дают элегии Н. Некрасова, но в 1860–

70-е гг. этот показатель снижается до 2,7 %, — как видим, в соответствии с общей тенденцией (во всей лирике поэта этого периода, по данным нашей ученицы Г.А. Бокушевой, **enj** составляют 4,5 %) ³³. В целом можно сказать, что во второй половине XIX — 10-х гг. XX в. наблюдается постепенное возвращение к традиции напевной, беспереносной/малопереносной элегии, созданной первым «Сельским кладбищем» (1802) Жуковского; только, в отличие от начала XIX в., уменьшение частотности **enj** идет на фоне превращения элегии в периферийный жанр либо на фоне функционирования ее как «внежанрового образования» ³⁴.

В обрисованном контексте можно считать, что своеобразным воскрешением традиции говорной эпической элегии, созданной вторым «Сельским кладбищем» (1839) Жуковского, являются «Элегии» И. Бродского 1970–80-х гг. («До сих пор, вспоминая твой голос, я прихожу...», «Прошло что-то около года. Я вернулся на место битвы...», «Постоянство суть эволюция принципа помещенья...») с их «длинным» стихом и гипертрофированной частотностью **enj** (в пределах 33–53 %). Структура и функции переносов Бродского также типологически близки структуре и функциям переносов Жуковского, что рассмотрено в нашей специальной работе ³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 181.

² См., напр.: Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н., Барковская Н.В., Ложкова Т.А. Практикум по жанровому анализу литературного произведения. Екатеринбург, 1998. С. 23 и др.

³ Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 2000. С. 112–117, 122, 132 и др.

⁴ Матяш С.А. Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб., 2011. С. 90, 101–102, 255–262.

⁵ Жирмунский В.М. Теория стиха. Л., 1975. С. 151.

⁶ См.: Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001; Гинзбург Л.Я. О лирике. Л., 1974; Фризман Л.Г. Жизнь лирического жанра: Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. М., 1973; Он же. Два века русской элегии // Русская элегия XVIII — начала XX в. / Вступ. ст., подгот. текста, примеч. и био-

граф. справ. авторов Л.Г. Фризмана. Л.: Сов. писатель, 1991. С. 5–48; Топоров В.Н. «Сельское кладбище» Жуковского: К истокам русской поэзии // Russian Literature. 1981. V. X. P. 212–255; Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994.

⁷ Русская элегия XVIII — начала XX в.

⁸ Матяш С.А. Стихотворный перенос: К проблеме взаимодействия ритма и синтаксиса // Русский стих: В честь 60-летия М.Л. Гаспарова. М., 1996. С. 191–192.

⁹ Жирмунский В.В. Теория стиха. С. 154–155.

¹⁰ Здесь и далее оставленные или перенесенные слова подчеркиваются, курсивом маркируются слова, с которыми у оставленных или перенесенных слов образуется синтаксическая связь.

¹¹ Для элегий особенно актуальным является последний случай, поскольку многие стихотворения этого жанра написаны длинными размерами (5- и 6-стопными ямбами, элегическим дистихом, гекзаметром и др.), в которых после внутрисклимовых пауз на строке успевают образоваться сильные синтаксические связи, «держашие» строку, препятствующие **enj** («Грядущих наших дней святая глубина / Подобна озеру; блестящими водами / Оно покоится; волшебного их сна / Не будит ранний ветер, играя с камышами» (А.Н. Майков «Жизнь», 1839)).

¹² Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Ритм и синтаксис в свободном стихе // Очерки истории языка русской поэзии XX в. М., 1993. С. 20–43; Он же. Статьи о лингвистике стиха. М., 2004. С. 31–32, 270–271.

¹³ В нашем материале только две элегии, в которых при **enj** верхняя строка имеет дактилическую клаузулу: «На смерть Шевченко» Н.А. Некрасова (1861) («Все — и раздольную степь Оренбургскую, / И ее крепость. <...>») и «Граурная элегия» Игоря Северянина (1909) («<...> с колебаньями / Незнакомая... И правдивая, / И невинная, и красивая!...»).

¹⁴ См.: Матяш С.А., Чекакина Н.А. Стихотворные переносы в лирике Е.А. Баратынского в контексте пушкинской традиции // Вестн. Оренбургского ун-та, 2011. № 11. С. 20–25; Матяш С.А. Стихотворные размеры и стихотворные переносы (enjambements) в стихотворениях В.А. Жуковского // Проблемы поэтики и стиховедения. Алматы, 2012. С. 266–270.

¹⁵ См. об этом: Матяш С.А. «Мерзкие» переносы Тредиаковского // В.К. Тредиаковский: К 300-летию со дня рождения. СПб., 2004. С. 114–134.

¹⁶ Даже добавление к фразе одного слова, которое, как правило, провоцирует появление **enj**, у классицистов представляло собой интонационно законченное сообщение, было целым предложением, исключая появление **enj** («Рок близится... Увы! Приблизился... Настал. / Свирепый рок! Уже ты все для нас скончал» (И. Дмитриевский «Элегия», 1759)).

¹⁷ Баевский В.С. История русской поэзии: 1730–1980. М., 1996. С. 32.

¹⁸ Матвеев Е.М. Метрика и строфика А.А. Ржевского // Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов. СПб., 2008. С. 123 и др.

¹⁹ Для полноты ритмико-синтаксической картины элегий классицизма следует отметить единственный **enj** Ф. Козельского в «Элегии I», посвященной описанию страданий лирического субъекта от разлуки с «сокровищем». Элегия завершается надеждой на возвращение «любезной». Страстность обращенного к «любезной» призыва вернуться передается через перенос типа **d-r**: «Несчастлива любовь!.. Любезная, отдай // Обратно мне себя. Препятства побеждай, / Поссорься за меня с домашними своими, / Скажи, что жить тебе назначено не с ними». Один **enj** на 220 строк четырех элегий Козельского может показаться случайным, но для нас несомненна его эстетическая значимость, поскольку, во-первых, **enj** появляется в финале стихотворения, во-вторых, его место — после эмоционального возгласа и многозначительного многоточия, и в-третьих, **enj** маркирован семантически насыщенной рифмой «отдай — побеждай». Попутно отметим факт, важный для нас: по данным Л.Г. Фризмана, Ф.Я. Козельский был автором не только элегий и других лирических жанров, но и трагедий, а по нашим наблюдениям частотность **enj** (особенно типа **d-r**) увеличивалась у тех электиков, которые создавали драматические произведения (В. Кюхельбекер, А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Григорьев, Н. Некрасов).

²⁰ См. в «Элегическом словаре» Г.О. Винокура перечень слов, означающих «субъективное состояние и переживание» (*Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку*. М., 1959. С. 372).

²¹ Подробно об этом: Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. С. 52–73.

²² О приемах мелодизации в лирике Жуковского см.: Эйхенбаум Б.М. О поэзии. Л., 1969. С. 348–390.

²³ Анализируя «жанрово-стилистический регистр» «Сельского кладбища» (1802), В.Н. Топоров отмечает, что Жуковский часто «соскальзывает на фразеологию и интонацию одического традиция» (Топоров В.Н. «Сельское кладбище» Жуковского. С. 232). Одический стиль в элегиях Пушкина отмечает Сендерович (*Сендерович С. Алетейя. Элегия Пушкина «Воспоминание» и проблемы его поэтики // Wiener slawistischer Almanach. Sonderbrand 8. Wien, 1982. S. 149.*

²⁴ Янушкевич А.С. В.А. Жуковский: Семинарий. М., 1988. С. 97.

²⁵ Переносы, вызвавшие критические замечания Пушкина в «Заметках на полях 2-ой части „Опытов в стихах и прозе“ К.Н. Батюшкова» (см.: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1964. Т. 7. С. 564, 570), имели выразительные

функции. Такие **enj**, очевидно, Батюшкову менее удавались.

²⁶ Этот вывод относится не только к таким электикам, как А. Пушкин, создавший, к примеру, в финале стихотворения «Простишь ли мне ревнивые мечты...» (1823) с помощью наплыва двух **d-r** («Но я любим... Наедине со мною / Ты так нежна! Лобзания твои / Так пламенны!») две сильные психологические паузы, маркирующие перелом в потоке воспоминаний лирического субъекта, но и к таким, как Д. Давыдов, который сумел в финале «Бородинского поля» (1829) передать с помощью **enj** жест, как бы расширяющий пространство («Но где вы?.. Слушаю... Нет отъезда! С полей / Умчался брани дым, не слышен стук мечей»), и ко многим другим поэтам.

²⁷ Е.К. Ромодановская в цитируемой выше монографии разделу о средневековой пародии дала очень точное название: «Пародия как осознание формы». В пародиях 1820-х гг. (С.Т. Аксакова, А.Е. Измайлова, Н.М. Языкова, Н.А. Цертелева, Н.А. Полевого, А.А. Дельвига) переносов было 4 %, т.е. в полтора раза больше, чем в реальных элегиях этого времени. Пародийное утрирование приема — свидетельство его осознания как элемента стихотворной формы жанра.

²⁸ Сендерович С. Алетейя. С. 122–129; Грехнев В.А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров. Горький, 1985. С. 150 и др.; Гаспаров М.Л. Три типа русской романтической элегии: Индивидуальный стиль в жанровом стиле // Гаспаров М.Л. Избр. тр. М., 1997. Т. 2. С. 380; Шатин Ю.В. Жанрово-образовательные процессы и художественная целостность текста в русской литературе XIX в.: Эпос, лирика: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 1992. С. 19; Магомедова Д.М. Элегия // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 303–304.

²⁹ Топоров В.Н. «Сельское кладбище» Жуковского. С. 219.

³⁰ Там же. С. 275.

³¹ См.: Эткинд Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973. С. 73; Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск, 1985. С. 228–233.

³² В 1900–1910-е гг. исключение из общей тенденции составили только элегии Игоря Северянина с частотностью **enj** 5–8 %.

³³ Бокушева Г.А. Стихотворный перенос (на материале поэзии Н.А. Некрасова): Дис. ... канд. филол. наук. Караганда, 2001. С. 56.

³⁴ Зырянов О.В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург, 2003. С. 74.

³⁵ Матяш С.А. Стихотворные переносы (enjambements) элегий И.А. Бродского в контексте проблемы типологии переносов русской классической элегии // Филологические чтения: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Оренбург: ОГУ, 2012. С. 20–28.